

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008:001.14

А. В. Ермолин, А. В. Азов

Софиология и всеединство в философии В. С. Соловьева, Л. П. Карсавина и С. Н. Булгакова

Статья посвящена софиологии и всеединству в русской религиозной философии. Авторы рассматривают влияние софиологии и философии всеединства на формирование философских взглядов В. С. Соловьева, Л. П. Карсавина и С. Н. Булгакова.

Ключевые слова: софиология, всеединство, русская религиозная философия, В. С. Соловьев, Л. П. Карсавин, С. Н. Булгаков.

A. V. Ermolin, A. V. Azov

Sophiology and All-Unity in V. S. Soloviev, L. P. Karsavin and S. N. Bulgakov's Philosophy

The article is devoted to sophiology and unity of the Russian religious philosophy. The authors examine the influence of philosophy and sophiology of all-unity on the formation of philosophical views of V. S. Soloviev, L. P. Karsavin and S. N. Bulgakov.

Keywords: sophiology, all-unity, Russian religious philosophy, V. S. Soloviev, L. P. Karsavin, S. N. Bulgakov.

Софиология и всеединство представляют собой краеугольные камни философии таких великих мыслителей, как В. С. Соловьев, Л. П. Карсавин и С. Н. Булгаков. Софиология и всеединство пронизывают все философские построения названных авторов, из чего следует невозможность рассмотрения их трудов вне данного контекста.

Говоря о генезисе софиологии, в первую очередь необходимо выделить *ее библейские корни*. С точки зрения христианской традиции, учение о Софии имеет своим обоснованием персонификацию Премудрости в книге Премудрости Соломона.

Во-вторых, *необходимо указать на влияние европейских мистиков*. В Европе идея Софии появляется в работах Я. Бёме (1575–1624), Э. Сведенборга (1688–1772), Дж. Пордеджа (1607–1681) и др.

В работах Я. Бёме мы встречаемся с проблемой андрогина и Софии. Так, мыслитель пишет: «Ты юноша или дева, а Адам был и тем и другим в одном лице» [1, с. 175].

Разводя по разным полюсам как совершенно противоположные понятия термины «дева» и «женщина», Я. Бёме олицетворяет Деву с Софией. «Из-за похоти своей Адам утратил деву и в похоти обрел женщину; но дева все еще ждет его, и если только он захочет вступить в новое рождение, она с великою честью вновь примет его» [1, с. 177].

Исходя из этого, он утверждает, что София – это и есть Дева, которая была дана Адаму, а Ева – это лишь то, что получил Адам, отказавшись от Софии. Отождествляя Деву и Софию, Я. Бёме обращается к

проблеме андрогинности человека. Выбор Евы, по его мысли, означает отказ от андрогинности, а в ее лице – и от софийности человека. Более того, для Я. Бёме подвиг Христа – это в первую очередь возвращение человеку его софийности.

Подобные умозаключения Я. Бёме об андрогинности и софийности человеческого бытия позволяют ему объяснить логические парадоксы, а именно – почему Адам до появления Евы не состоял в браке и почему Иисус Христос был «полным назореем», то есть вообще не касался женщины. И Адам, и Христос, согласно логике Бёме, были приобщены к софийности и, таким образом, были более совершенны, чем простые люди.

Также построения Я. Бёме позволяли, по его мнению, подтвердить тезис о Христе как «втором Адаме». Подобные воззрения позволяли более четко обозначить контуры христианского учения о сотериологии, поскольку давали механизм восстановления Христом падшей человеческой природы. Возврат к Софии – вот основа спасения, основа восстановления подлинной (андрогинной) природы человека. В названии одной из книг Я. Бёме мы встречаемся с крагчайшим описанием всей его философии. "Christosophia" или «Путь ко Христу» подразумевает собой путь ко Христу через Софию. Именно так Я. Бёме понимал суть христианского совершенствования и приближения к нравственным и этическим идеалам христианства.

В-третьих, *на формирование софиологии оказали влияние Каббала и еврейская мистика*. Имя Джона

Пордеджа тесно связано с таким явлением в мистике, как «христианская Каббала». Поскольку многие христианские мыслители интересовались вопросами еврейской мистики, Джон Пордедж предпринял попытку христианизации Каббалы, своего рода синтеза между христианским вероучением и иудейской мистикой. В философской системе Джона Пордеджа мы встречаемся с упоминаниями терминов «Эйн Соф» и «Адам Кадмон», то есть с традиционными для еврейской мистики понятиями.

В-четвертых, необходимо отметить влияние платонизма и неоплатонизма. При обращении к истории философских идей становится ясно, что образы женственности, лежащие в основе учения о Софии, имеют свое основание в философии платонизма и неоплатонизма. В диалоге «Тимей» Платон развивает идею Мировой Души, выступающей именно в качестве женственной созидающей основы мира. Впоследствии учение о Мировой Душе было подробно развито в неоплатонической традиции и, несомненно, повлияло на раннее христианство.

Выявив особенности генезиса софиологии, перейдем к непосредственному анализу софийной проблематики в философии В. С. Соловьева, Л. П. Карсавина и С. Н. Булгакова.

Духовный и мистический опыт В. С. Соловьева чрезвычайно насыщен и богат. Пережив увлечение спиритизмом, разными формами оккультизма, имея опыт медиумного общения, пережив несколько мистических откровений, философ выражает их результаты в письменном виде. В творчестве В. С. Соловьева содержится множество указаний на личный мистический опыт общения с Софией, например, в стихотворении «Три свидания».

Л. П. Карсавин в начале своего творческого пути был активным участником петроградского «Братства Святой Софии» (1918–1922). О софиологии Карсавина мы можем судить по его произведению «София земная и горящая» [2]. Особого внимания заслуживают гностические корни карсавинского понимания Софии. Он ссылается на древний гностический трактат «Пистис София», и в самом тексте мы неоднократно встречаемся с упоминаниями имен гностиков Василида и Маркиона, а также с постоянным апеллированием к гностическим терминам – «Плерома», «Ахамот», «Эон» и т. д. В этой работе Карсавин утверждает приоритетное значение личного духовного и мистического опыта при осмыслении Софии.

Наиболее разработанная софиологическая система в русской религиозной философии принадлежит отцу Сергию Булгакову.

Булгаков старался представить софиологию как неотъемлемую часть православного учения, однако Русская Православная Церковь не восприняла со-

фийные идеи и осудила учение Булгакова как чуждое православному взгляду.

С. Н. Булгаков частично повторяет мысли В. С. Соловьева, которые являются для мыслителя первоосновой. Булгаков разделяет мысль Соловьёва о том, что София – первооснова тварного мира, однако в философии Булгакова есть одно существенное отличие от софиологии Соловьева. Сотворение мира понимается Булгаковым как изведение мира Богом из самого себя.

Софийная проблематика занимала важнейшее место в философии В. С. Соловьева, Л. П. Карсавина и С. Н. Булгакова. Однако не только они обращались в своих трудах к названной проблематике. В русской мысли традиции софиологии имеют глубокие корни. К ранним зачаткам софиологии можно отнести незавершенную студенческую работу С. Н. Трубецкого «О Святой Софии, Премудрости Божией» (1885–1886). Это еще не учение о Софии, а лишь подступы к нему, своего рода наброски. Позднее ряд последователей нашла софиология П. А. Флоренского – под ее влиянием находились В. Ф. Эрн, С. Н. Дурьлин, частично А. Ф. Лосев. На отдельных этапах творчества Вячеслава Иванова волновала проблематика Софии.

Многие другие русские философы прошли через интерес к еврейской мистике, равно как и поэты Серебряного века, например, поэт-символист Андрей Белый также разделял воззрения вышеназванных философов о Софии. Однако только в трудах В. С. Соловьева, Л. П. Карсавина и С. Н. Булгакова мы встречаемся с детально разработанной софиологической системой. Иными словами, мы можем условно разделить русских мыслителей на «софиологов» и «антисофиологов».

Говоря об истоках понимания и осмысления проблемы Софии в русской религиозной философии, необходимо отметить, что на русских мыслителей, как и на европейских, существенное влияние оказали вышеназванные тенденции: это и александрийская традиция толкования текстов, и гнозис, и католическая мистика, и платонизм и неоплатонизм. Тем не менее, стоит заметить, что каждый из русских мыслителей-софиологов имел глубокие личные переживания и глубокий личный опыт осмысления данной проблематики.

Если софиологи строили свои системы на еврейской мистике, гностицизме, обращении к католическим и западным мистикам в целом, то система антисофиологов построена на основании идей соборности, примата русского и православного начал. Подобные идеологические основы, несомненно, исключают любую возможность возникновения и восприятия софиологии.

Проблема софиологии в русской мысли открывает для исследователей новые горизонты. Например, в тесной взаимосвязи с софиологией пребывает проблема отношения к католицизму. Совершенно очевидным является факт, что названные философы рассматривали культ Девы Марии сквозь призму Софии. Осмысление католицизма тесно связано с проблемой Софии. Поскольку в католицизме особое значение имеет культ Девы Марии (а в трудах некоторых католических мистиков он тесно переплетен с софийной проблематикой), то совершенно очевидным становится интерес многих русских религиозных философов к софиологической проблематике.

Помимо софиологии, в русской философии существенное внимание было уделено всеединству.

Идея всеединства подразумевает под собой органичное единение всего окружающего бытия. Первые прообразы всеединства мы встречаем еще в рамках античной философии. В процессе дальнейшего развития христианства зачатки философии всеединства соединились с философией платонизма и неоплатонизма, существенно повлиявшего на православную традицию.

Кардинал Николай Кузанский является одним из наиболее ярких представителей христианского неоплатонизма. Данная традиция была продолжена такими мыслителями, как Марсилио Фечино [4, 5, 6] и Джованни Пико делла Мирандола [3].

Однако у Шеллинга, оказавшего огромное влияние как на В. С. Соловьева, так и на развитие всей русской мысли, мы отметим термины «природа в Боге» и «мировая душа», которые позднее будут встречаться в трудах русских мыслителей.

В дальнейшем в русской религиозной философии идея всеединства приобрела значение единения всего бытия в Боге, то есть обрела более религиозный аспект. При этом сквозь призму всеединства многие философы рассматривали проблематику воссоединения Востока и Запада, православия и католицизма. Например, мысль о всеединстве у В. С. Соловьева теснейшим образом связана с желанием христианского единения. Рассуждая о единстве Востока и Запада, о путях к возможному воссоединению, философ основывается на своей идее всеединства.

Желание собрать все христианские Церкви в некий «всечеловеческий организм», воссоединить Восток и Запад – вот русская идея и цель русской политики.

Таким образом, философия всеединства является основополагающим постулатом отношения Соловьева к религиозным вопросам. Именно сквозь призму всеединства философ рассматривает проблему единства христианских конфессий.

В свою очередь Л. П. Карсавин также воспринял идеи всеединства и по-своему их осмысливал. Равно

как и софиология, учение о всеединстве у Карсавина приобретает гностические черты. Мыслитель использует понятие «всеединый человек», по сути восходящее к Адаму-Кадмону Каббалы. По мнению Карсавина, мир и все, населяющее его, были сотворены во всеедином человеке, то есть Адаме-Кадмоне, который и является реализованной Софией.

Адам Кадмон, не в силах сохранить заповеданное ему всеединство, подобно Софии-Ахамот распадается на человека и мир, разделив, таким образом, в самом себе всеединство.

С. Н. Булгаков в рамках философии всеединства предполагал, что перед миром есть божественный первообраз, который воплощается в творении. Это единство первообраза и творения и есть всеединство, его Булгаков обозначает символом Софии.

В этом смысле всеединство у Булгакова – это бытие, которое себя высказывает. Причем высказывает оно себя и подлинно, в Слове Бога, и в падшем состоянии – неподлинно, через различные формы, в которых осуществляется человеческая жизнь, отягощенная эмпирическими условиями существования человека, которые должны быть преодолены человеком в его жизни и истории. По мнению Булгакова, важнейшим элементом бытия выступает смысл, а отсюда проистекает важнейшая задача человека – увидеть, как смысл присутствует в действительности.

Отсюда мы делаем вывод о сильнейшем влиянии софиологии и всеединства на философские взгляды В. С. Соловьева, Л. П. Карсавина и С. Н. Булгакова. Именно сквозь призму всеединства и софиологии названные мыслители рассматривают все основные проблемы – будь то воссоединение Востока и Запада или же бытие добра и зла как отдельных нравственных и этических категорий.

Библиографический список

1. Бердяев, Н. А. Смысл творчества [Текст] / Н. А. Бердяев. – М.: Астрель, 2004. – 416.
2. Назаров, В. Н. София земная и горная. Предисловие к публикации [Текст] / В. Н. Назаров // Вопросы философии. – № 9. – 1991.
3. Пико дела Мирандола. Девятьсот тезисов. Тезисы 1–400: Четыреста суждений по учениям халдеев, арабов, евреев, греков, египтян и по мнениям латинян / пер. с лат. Н. Н. Соколовой и Н. В. Миронова. – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. – 259 с.
4. Ficino Marsilio. De vita, a cura di Albano Biondi e Giuliano Pisani, Pordenone, 1991.
5. Ficino Marsilio. Erma sul Palazzo dei Visacci. Milano, 1957
6. Ficino Marsilio. El libro dell'amore, Firenze, 1987.